

Е. Э. Л И П Ш И Ц

ОСОБЕННОСТИ ФИНАЛЬНОЙ ФОРМУЛЫ НЕКОТОРЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ АКТОВ РАННЕЙ ВИЗАНТИИ

В исследованиях, посвященных изучению вопросов византийской дипломатии, до сих пор внимание было сосредоточено почти исключительно на изучении документов, относящихся к средне- и поздневизантийским периодам (IX—XV вв.).¹ Такое хронологическое ограничение объекта анализа было вызвано не только и не столько сравнительной молодостью этой отрасли византиноведения, сколько состоянием источников, которыми располагает современная наука. Гибель документальных памятников ранней Византии была почти полной. Если не считать такой специальной отрасли византиноведения, как палеология византийского Египта, а также единичных папирусов Равенны, никаких оригинальных документов о ранней Византии не сохранилось. И тем не менее было бы неверным считать, что исследования в области византийской дипломатии IV—VI вв. бесперспективны вообще: современная наука располагает для этого периода богатым законодательным материалом, представленным в сводах законов и в сохранившихся собраниях императорских новелл.

Из пяти Кодексов, изданных в III—V вв. н. э. (Григоринский, Гермогенианский, Феодосия и два Кодекса Юстиниана), сохранились лишь два. Григоринский и Гермогенианский кодексы известны только в очень незначительной степени. Некоторые конституции из этих сводов вошли в состав позднейших Кодексов Феодосия и Юстиниана, а также упоминаются в сочи-

¹ О состоянии разработки вопроса по византийской дипломатике см.: F. Dölger, *Byzantinische Diplomatie*. Ettal, 1956; F. Dölger, L. Kayaalpoulos, *Byzantinische Urkundenlehre*. I. Die Kaiserurkunden. München, 1968; см. также: Н. П. Медведев, *Византийская дипломатика в свете некоторых новейших исследований*. Вспомогат. истор. дисциплины, III, Л., 1969, стр. 360—369.

ниях юристов.² Более благоприятно дело обстоит с Кодексом Феодосия (438 г.) и Кодексами Юстиниана (529 и 534 гг.). Однако и Кодекс Феодосия, включающий в себя конституции, начиная с 313 г., полностью до нас не дошел. Что касается первого Кодекса Юстиниана 529 г., то он известен через посредство второго его дополненного издания 534 г. Из этого же издания известны и конституции, анонсировавшие подготовку Кодекса 529 г., а также и осуществление самого издания. Эти конституции имеют важное значение для выяснения некоторых вопросов византийской дипломатии, так как содержат инскрипции в наиболее полной известной форме и некоторые другие немаловажные сведения, раскрывающие «лабораторию» законодателей.

При оценке всех этих документов следует принять во внимание, что сохранившиеся рукописи законодательных сводов не современны их изданию и носят (особенно древнейшие) фрагментарный характер.³ Например, второй Кодекс Юстиниана 534 г. сохранился в палимпсесте VI—VII вв. в Веронской библиотеке лишь частично (книжки 4—8 и 11—12). Для восстановления всего состава Кодекса исследователями и публикаторами были использованы рукописи IX—XIII вв., а также данные старых изданий Кодекса XVI в. Первые научные издания Кодекса были выполнены гуманистами.⁴ При подготовке своих книг эти ученые имели возможность использовать еще сохранившиеся тогда, а ныне утраченные рукописи Кодекса. Они восполняют лакуны в других рукописях, имеющих в распоряжении современных ученых, в частности пропущенные копиями субскрипции. Издания и комментарии к Кодексу таких ученых, как Куяций (1522—1590), Галоандр (1501—1531), Готофред (1587—1652), помогли новейшим издателям в восстановлении первоначального текста Кодексов Феодосия и Юстиниана.

Несмотря на неблагоприятное состояние источников, затрудняющее всесторонний анализ структуры византийских законодательных актов, все же наличие критических изданий сводов открывает пути для исследований.

До сих пор вопросы дипломатического изучения законодательных актов IV—VI вв. занимались почти исключительно специалисты по истории римского права — публикаторы критических изданий кодексов, а также и другие специалисты-романисты. При этом они уделяли преимущественное внимание вопросам, связанным с судьбами западноевропейской средневековой истории права. В византийствоведении интересующие нас законодательные памятники исследуются главным образом с точки зрения их

² См., например: *Textes de droit romain* par F. Girard et F. Senn. Paris, 1967, p. 355.

³ E. Seidl. *Römische Rechtsgeschichte und römisches Zivilprozessrecht*. Köln—Berlin, Bonn, München, 1962, S. 113; L. Wenger. *Die Quellen des römischen Rechts*. Wien, 1953, S. 571—572.

⁴ E. Seidl. *Römische Rechtsgeschichte*, S. 9 f.

внутреннего содержания. Такой интерес вполне оправдан, тем более что законодательные памятники V—VI вв. являются едва ли не самыми ценными свидетельствами социально-экономического развития Византии того времени, не говоря уже об истории права. Однако нам представляется, что изучение формальной структуры законов обещает дать немало интересных и новых сведений для византистики. В общем руководстве по византийской дипломатике Дэльгера и Караяннопулоса ранневизантийскому периоду уделено, к сожалению, сравнительно немного места. Дальнейшие исследования в этой области, надо надеяться, могут дать еще немало нового.

Ценные наблюдения были сделаны в новой работе Г. Хунгера, посвященной анализу отражения идеи византийской императорской власти в вводных частях конституций ранневизантийского времени.⁵

Обращаясь непосредственно к теме настоящей статьи, следует заметить, что состояние источников требует внесения еще одного корректива. Законодательный свод Феодосия включает конституции начиная с царствования Константина I. Древнейшие конституции Кодекса Юстиниана относятся ко времени римского императора Адриана (117—138 гг.). Однако из предисловия к Кодексу Феодосия, как и из предисловий к обоим изданиям Кодекса Юстиниана, известно, что при включении законов в эти своды не только конституции ранее царствовавших императоров, но даже и законы, изданные императорами — составителями сводов, были подвергнуты весьма энергичному переработкам (заменялись выражения, опускались части фраз, вносились пояснения, сокращения, дополнения и т. п.),⁶ поэтому изучение конституций, опубликованных задолго до издания Кодексов, наталкивается на дополнительные препятствия при определении первоначальной структуры законов. Мы несомненно знаем в отношении древнейших конституций лишь их кратко изложенную сущность. Значительно перспективнее в этом отношении анализ структуры конституций V и VI вв. О характере переработки конституций Кодекса Феодосия можно судить, сличая их с соответствующими законами Кодекса Юстиниана. Еще лучше обстоит дело с повеллами V и VI вв., которые вообще не были подвергнуты кодификации.

Если проанализировать наличный материал V и VI вв., то можно прийти к выводу, что все законы (независимо от объема) по своей структуре единообразны. Первая их часть содержит начальную формулу — по терминологии 44-й новеллы Юстиниана

⁵ H. Hunger. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wien, 1964.

⁶ Theodosiani libri XVI, vol. I. 1954, p. 2; Codex Justinianus. Berolini, 1959, p. 1—4; P. Schulz. Geschichte der römischen Rechtswissenschaft. Weimar, 1961, S. 390 f. См. также: Е. Э. Липшиц. Право и суд в Византии (IV—VIII вв.). Рукопись.

(537 г.) — протокол. В документах рассматриваемого времени он ограничивается обычно инскрипцией с именем императора и указанием адресата, а иногда и характера закона. Инвокация и титулатура императора сохранились лишь в виде исключения в повеллах V в. и в вводных конституциях Кодекса Феодосия и частей свода Юстиниана. Можно предположить, что при внесении законов в свод первоначальная развернутая форма инскрипций была сокращена. Отсутствие оригинала законов не дает возможности с полной уверенностью решить вопрос об их первоначальной форме.

Наряду с отдельными высшими должностными лицами, к которым конституции обращены персонально, — сановниками, наделенными широкими полномочиями, как например префекты претория Востока, префекты города, президы провинций, викарии, епископы, квесторы священного дворца, фигурируют и коллективные адресаты. Среди последних могут быть названы сенат города Константинополя, народ (*populus*), провинциалы отдельных районов империи, корпорации навигуляриев, врачей и т. п. Наиболее широкой сферой действия обладали те конституции, которые именовались эдиктами или прагматическими санкциями, так наз. *leges generales*.⁷ Принадлежность законов к этой категории уже в середине V в. требовала особой процедуры для их утверждения. Их содержание должно было быть подвергнуто рассмотрению на заседаниях сената или консистория.⁸

Для того чтобы оценить важность обозначения адресатов и характера законов в инскрипциях для судебной практики, необходимо принять во внимание, что в ранней Византии далеко не все законы, даже включенные в Кодекс, имели равную обязательную силу. Из опасения чрезмерно широкого и свободного толкования законов по аналогии уже в 315 г. конституция, включенная в Кодекс Феодосия, требует строгого ограничения сферы их применения. Последовательными конституциями 398 и 426 гг., а также и позднейшими повеллами 40-х и 50-х годов V в. эти постановления были развиты далее и включили санкции за нарушение этого правила.⁹ Поэтому можно полагать, что законы, не относившиеся к категории *leges generales* и изданные либо для частного случая, либо адресованные в определенные города или провинции, не считались общеобязательными, не имели силы за пределами сферы, предусмотренной в инскрипциях. Лишь в 529 г. законом Юстиниана это правило было кардинальным образом изменено. Согласно новому распоряжению, все рескрипты, включенные в Кодекс Юстиниана, должны были считаться общеобязательными.¹⁰

⁷ С. J. 1, 14, 8 (446).

⁸ E. Dölger, L. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre, I, S. 72.

⁹ Подробнее см.: L. Wenger. Die Quellen, S. 431.

¹⁰ С. J. 1, 14, 12 (529); M. Kaser. Das römische Privatrecht, II. München, 1959, S. 37.

Если обратиться к самому тексту законодательных постановлений, то можно убедиться, что, как правило, конституции открываются вводной фразой или частью, которая содержит краткую или подробную характеристику обстоятельств, вызвавших необходимость издания закона. В новеллах VI в. эта вводная часть превращается в многословное описание конкретного положения дел в тех или иных районах империи. Эти части, нередко насыщенные ценнейшими для историка фактическими данными о неполадках в провинции или столице, о коррупции бюрократического аппарата, значительно дополняют и выправляют то, что скрыто под приглаженным и приукрашенным повествованием официальной историографии.

В последнее время анализ этих вводных частей явился предметом специального рассмотрения исследователей Г. Хунгера¹¹ и Р. Боинни.¹² Авторы этих работ пришли к заключению, что побудительной причиной издания законов во многих случаях являлись запросы с мест, запросы коллегии адвокатов, прошения, сведения, поступившие от определенных лиц или анонимные и т. д. Некоторые законы издавались по собственной инициативе императора.

Структура текста, следующего за вводной частью, как правило, в V в. содержит краткое изложение (*narratio*) сущности конституции. В VI в. и эта часть носит обычно более обстоятельный характер. Нередко в статьях одного и того же законодательного постановления суммируются отдельные частные предписания. Законы, изданные в период подготовки Дигест, начиная уже с октября 529 г., содержат ссылки на высказывания классических юристов.

За конечным выводом, выделяемым в новеллах VI в. в особую часть — эпилог (*ἐπίλογο*) — и включающем распоряжение о способах обнародования данного закона, следует последняя часть конституции. Этот эсхатокол (*ἐσχατοκόλλιον*)¹³ содержит финальную формулу. Следует сказать, что если в конституциях Кодекса Феодосия имеется большое разнообразие в финальной формуле, то позднее она становится более единообразной. Во всех законах формула содержит дату закона с указанием на место его издания. Но в Кодексе Феодосия конституции иногда сохраняют только дату оглашения или дату принятия закона (к исполнению) определенным магистратом. Иногда встречаются две даты, фиксирующие разные моменты в истории издания и обна-

¹¹ H. Hunger. *Prooimion*, S. 157—179.

¹² R. Bonini. *Ricerche di diritto Giustiniano*. Milano, 1968, *Interrogationes forensi e attività legislativa Giustiniana*, p. 5—54.

¹³ H. Liddell—R. Scott. *A greek-english lexicon*. Oxford, 1961, p. 699. Эсхатокол — это собственно конец папирусного свитка. В кодексах и новеллах V—VI вв. термин «эсхатокол» не встречается. О составе эсхатокола см.: E. Dölger, L. Karayannopoulos. *Byzantinische Urkundenlehre*, I, S. 77.

родования закона.¹⁴ В Кодексе Юстиниана мы подобных данных почти не находим.¹⁵

Что же касается собственно субскрипции, т. е. подписи императора, то данных для точных суждений о том, как обстояло дело в рассматриваемое время (ввиду отсутствия подлисных документов), слишком мало. В существующей литературе этот вопрос освещается очель противоречиво. Так, в обобщающем труде Дэльгера и Караяннопулоса есть указание, основанное на данных «Тайной истории» Прокопия Кесарийского, что император Юстин I (518—527) подписывал законы собственноручно через специально приготовленный деревянный шаблон словом *legi*, состоящим из четырех букв.¹⁶ С другой стороны, аналогичная подпись *legi*, встречающаяся в новеллах Юстиниана (536 и 537 гг.), рассматривается этими исследователями как выполненная квестором священного дворца, хотя лишь в 541 г. (Nov. 114) обязанность визирования (*adnotatio*) рассылаемых дубликатов закона была возложена на этого сановника.

При рассмотрении вопроса о времени издания византийских законов необходимо уделить внимание своеобразию системы их датировки. В этом роде источников, в отличие от нарративных источников ранней Византии, неизменно применялась датировка по индиктам (или индиктионам), по именам правящих консулов и по годам царствования императоров. Способ летосчисления по индиктам был связан в своем происхождении с нуждами налогообложения. Первый индикт был установлен Диоклетианом в Египте в 297—298 гг., однако не получил общеимперского распространения. Новый — византийский индикт — был введен Константином (как о том сообщает Пасхальная хроника) и стал основой счета лет в византийских законодательных памятниках и других источниках. В последних он сосуществовал вместе

¹⁴ Термины, встречающиеся в этом Кодексе, следующие: *data* (время издания), *lecta* (время оглашения), *proposita* (время оглашения), *praelata* (присоединение к прежде изданному), *accepta* (время приятия соответствующим магистратом), *regesta* (время регистрации). См.: С. Th. I, 954, р. CLIV. Наиболее полные примеры субскрипций с собственноручной подписью императора (*manu divina*) засвидетельствованы новеллами V в. (Nov. Val. 17 (445); Nov. Val. 1, 3 (450); Nov. Major. (458)).

¹⁵ Термин *lecta* встречается в Кодексе Юстиниана (1, 3, 2 (357); 2, 12, 23 (363); 3, 24, 2 (376)). О термине *recitata* см. далее.

¹⁶ E. Dölger, L. Karayannopoulos. *Byzantinische Urkundenlehre*, I, S. 55, Anm. 3. Слово *legi* встречается в новелле 22 (536 г.), где оно повторяется после указания адреса пяти или восьми адресатов, которым должны быть разосланы «изотипы». В новелле 105 (537 г.) вместо слова *legi* в первом из указанных адресов стоит слово *legatur*. Следует отметить, что термин «изотип» содержится в новелле 7 (535 г.). Он известен и по данным папирусов византийского Египта, где имеет значение дубликата. Перевод этого термина словом «копии» хотя и допустим, но не представляется единственно возможным. См. оба варианта перевода: H. Liddell—R. Scott. *A greek-english lexicon*, p. 840. Дэльгер—Караяннопулос (там же, стр. 65) дают перевод термина «изотип» только словом «копии» (*Kopien*).

с другими системами летосчисления. Византийский индикт обозначал и пятнадцатилетний цикл, и в то же время год данного цикла. Год начинался с сентября (как правило, с 1 сентября; в некоторых районах Малой Азии и Сирии, как предполагал Грюмель, с 23 сентября¹⁷). Счет лет по византийским индиктам ведется начиная с 313 г. н. э.

В императорском законодательстве обозначение датировки по индикту встречается впервые в конституции императора Констанция (C. Th. 12, 12, 2 [357 ?]). В заключительной ее части содержатся датировка по римскому юлианскому календарю (число и месяц) и имена императора и консула с указанием года от пачала их правления.¹⁸ В тех случаях, когда прежний консул уходил в отставку, а новый еще не вступал в должность, год обозначался по так называемому постконсулату, исчисляемому со времени ухода прежнего консула. В VI в. после отмены консулата вплоть до царствования Юстина II в течение 24 лет год отмечался по постконсулату последнего консула Василия, однако позднее встречаются иногда новые обозначения по консулату и постконсулату.¹⁹

Как хорошо известно, принятая в законодательных памятниках описанная выше система летосчисления не была единственной в Византии в интересующее нас время. Вопросы летосчисления, связанные с установлением времени церковных праздников и истолкованием текстов Ветхого и Нового заветов, а также и с соотнесением их конкурировавшими между собой различными космическими системами, стояли в эту эпоху в центре внимания и усиленно дискутировались. Системы расчетов, основанные на наблюдениях движения небесных светил — солнца и луны — и богословских соображениях, в различных районах империи решались по-разному. Еще и в VI в. споры продолжались с большой остротой вплоть до победы на Западе так называемой Дионисиевой эры и в Константинополе — византийской. Однако эта победа не была полной. Наряду с византийской эрой не только в VI в., но и значительно позднее в византийских источ-

¹⁷ V. Grumel. La chronologie. Paris, 1958, p. 197, 241. О дискуссии по этому вопросу и о возможности совпадения пачала индикта с пачалом императорского года см.: E. Dölger, L. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre, I, S. 51—52, Anm. 8.

¹⁸ Dat. XVIII Kal. Febr. Med[iolano] indictione XV Constantio A. VIII et Iuliano c. cons., т. е. на восьмом году царствования Констанция и на первом году цезарства Юлиана консулов.

¹⁹ Список консулов до 565 г. см.: V. Grumel. La chronologie, p. 354. О различных приемах обозначения консулата и постконсулата в 565 г. см.: E. Stein. Post-consulat et autocratoria. Mélanges Bidez, Bruxelles, 1934, p. 869—912; N. Van der Wal. Manuale novellarum Justiniani. Groningen—Amsterdam, 1904, p. 160, n. 1, 2. В изложение этого вопроса у Дэлгера и Караяннопулоса (E. Dölger, L. Karayannopoulos. Byzantinische Urkundenlehre, I, S. 51) требуется внести уточнение: датировка по постконсулату применялась неоднократно и ранее до 566 г., как это видно из списка консулов и постконсулата.

никах встречаются другие эры, которые сосуществовали с ней вплоть до IX в., если не позже.²⁰

С эрой «от сотворения мира» византийский хронист Феофан сопоставляет счет лет по олимпиадам. Эта система, несмотря на отмену олимпиад еще Феодосием I (394 г.), во времена Феофана (IX в.), видимо, не утратила полностью своего значения. На местах, как это известно из новеллы Юстиниана 537 г., а также по эпиграфическим и некоторым другим данным, счет лет вели и по местным, городским эрам. Сложность обозначения даты на документах возросла и вследствие того, что начало индикта, начало года консульства, начало царствования того или иного императора также не совпадали друг с другом. Само собой разумеется, что такая многообразная система датировки чрезвычайно затрудняла практику рассмотрения дел.

Византийские императоры уже с самого начала существования империи уделяли этим вопросам большое внимание, тем более что в Византии, в отличие от Рима классического периода, сильно возросло значение письменных документов при оформлении различного рода сделок. Согласно закону Константина от 26 июля 322 г. (C. Th. 1, 1, 1), все эдикты (*edicta*) или конституции (*constitutiones*), изданные впредь без указания дня (*sine die*) и консула, считаются недействительными. При включении закона в Кодекс Юстиниана в его текст были добавлены слова *beneficia personalia*, т. е. это постановление было распространено и на все документы, дающие привилегии отдельным лицам (C. J. 1, 23, 4). Позднее, в 537 г. 47-й новеллой Юстиниана было установлено, что в документах и актах (*ἐν συμβολαίοις καὶ δπομύμασι*) должно быть обязательно указано имя императора; цифры (греческие буквы в греческих документах и латинские в латинских) должны обозначаться более четко. Там же отмечено, что форма, принятая в Константинополе и прочих провинциях, должна содержать указание на год царствования императора, имя консула, индикт, месяц и день. Здесь же упоминается, что принятое в восточных провинциях обозначение года по городскому летосчислению допускается лишь после ранее указанных.²¹

В то время как в парративных источниках господствовало летосчисление «от сотворения мира» в его разных вариантах, внедрение этой системы в законодательные памятники проходило очень медленно. Впервые она применена при обозначении даты законодательного свода VIII в. — Эклоги. Точная дата Эклоги

²⁰ Юлианский календарь был принят православной церковью на Никейском соборе в 325 г. Подробнее см.: V. Grumel. La chronologie; М. Я. Сюзюмов. Таблицы по хронологии (пособие к специальному курсу «техническая хронология»). Свердловск, 1968, с библиографией.

²¹ О консулате см.: Nov. 105 (536); N. van der Wal. Manuale novellarum Justiniani. 1964, p. 14, n. 2 (о практическом применении предписаний 47-й новеллы о порядке датировки).

(31 марта 726 г. = 6234 г.) явилась сравнительно недавним заново открытием византиноведения, осуществленным трудами В. Г. Васильевского, Д. Гиниса и В. Грюмеля.²² Некоторые исследователи отпосылают принятие этой системы датировки по византийской эре в законодательстве еще к более позднему времени — к началу или концу X в.²³

Рассмотренные черты, характеризующие обычное оформление византийских законодательных актов V—VI вв., могут быть отмечены и в Кодексе Юстиниана 529 г. Однако при изучении многочисленных конституций этого Кодекса, число которых достигает примерно четырех с половиной тысяч, обращает на себя внимание группа из пятнадцати конституций, изданных в один и тот же день, приблизительно через полгода после опубликования первого Кодекса 529 г. Особенности заключительной формулы этих законов заслуживают специального рассмотрения.

Следует сказать, что по своей общей формальной структуре интересующие нас конституции не представляют ничего необычного.²⁴ Подобно всем прочим, они начинаются инскрипцией, указывающей имя издавшего их императора Юстиниана. Инскрипция содержит имя адресата — одного и того же во всех этих конституциях. Законы обращены к префекту претория Демосфену (который занимал этот пост с 17 сентября по 30 октября 529 г.).²⁵ Эдикт, как и обычно, содержит дату по римскому календарю — «Data III kal. Nov.» (которая соответствует 30 октября) и указание, что конституция издана в консульство Деккия. Деккий занимал пост консула в 529 г. Однако дате предшествует необычная процедурная часть субскрипции, встречающаяся только в этой группе конституций. Именно эта часть и выделяет их из огромной массы других конституций Кодекса Юстиниана. Интересующая нас формула представлена с разной степенью полноты и в разных вариантах во всех конституциях данной группы. В наиболее полной форме²⁶ она содержит указание, что «закон оглашен в седьмом милярии этого прославленного города (в вариантах — «города Константинополя»²⁷) в новом консistorии дворца Юстиниана» (*Recitata septimo miliario huius inclitae civitatis in*

²² Подробнее см.: Эклога. Византийский законодательный свод VIII в. Вступ. статья, перевод и комментарий Е. Э. Липшиц. М., 1965, стр. 15 сл. Точная дата Эклоги была установлена В. Грюмелем уже после выхода в свет его «Хронологии». См.: V. Grumel. La date de la promulgation de l'Éclogue des Isauriens. *Revue des Études byzantines*, XXI, Paris, 1963, p. 272—273.

²³ 911 г.: E. Dölger, L. Karayannopoulos. *Byzantinische Urkundenlehre*, I, S. 54, Anm. 3; 988 г.: V. Grumel. *La Chronologie*, p. 127.

²⁴ С. J. 1, 2, 22; 1, 14, 12; 2, 55, 4; 4, 1, 12; 4, 34, 11; 5, 12, 30; 6, 4, 3; 6, 30, 19; 6, 42, 30; 6, 61, 6; 7, 45, 13; 7, 45, 14 (?); 8, 53, 34; 11, 48, 20.

²⁵ До него префектом претория был Мина (с 1 июня 528 г. по 7 апреля 529 г.). См.: W. Ensslin. *Praefectus Praetorio Orientis*. P. W. R. E., XXII, 2, col. 2499—2501.

²⁶ С. J. 1, 2, 22.

²⁷ *Urbis Constantinopolitanae* — С. J. 1, 14, 12.

novo consistorio palatii Justiniani). В некоторых случаях слова «этого прославленного города» или «города Константинополя»²⁸ опущены. Часто опущено слово «милиарий». Но всегда, за исключением двух конституций, где отсутствующий текст предположительно восстановлен издателями, присутствует вся остальная часть этой заключительной фразы.²⁹

Уже отмечалось, что случаи оглашения отдельных законов в сенате (или в консистории) практиковались в ранней Византии в IV—V вв., как об этом можно судить по данным Кодекса Феодосия и повеллам V в. Об этом же свидетельствует и единственная, кроме рассматриваемых, конституция Кодекса Юстиниана (С. J. 6, 60, 1, 319 г.). В подобных случаях обычно указана и дата оглашения. В нашем такой даты нет. Стоящее на ее месте слово *septimo*, являющееся по своей форме порядковым числительным, возможно, ввело в заблуждение позднейших копистов, которые опустили вторую цифру, показавшуюся им излишней. На это необычное выражение обратил внимание уже Куяций. В комментариях к законодательству Юстиниана (*Observationes*) он отметил, что выражение *septimo miliario* или просто *septimo* (иногда встречающееся в конституциях этой группы в форме *septies*) является названием места. Это было наименование дворца в предместьях Константинополя, в котором Юстиниан построил для издания законов новый консисторий. Куяций ссылался при этом на сочинения Прокопия («О постройках») и рассматривал это порядковое числительное как обозначение меры расстояния данного района от Константинополя.³⁰ Мнение Куяция разделял и Готофред, который привел соображения Куяция в своем комментированном издании Кодекса Юстиниана.³¹ Однако впоследствии комментаторы Прокопия иногда отождествляли термин *septimum* с седьмым районом Константинополя. Комментаторы, в том числе и издатель «Тайной истории» Прокопия Аллемани, не упоминают интересующих нас конституций Юстиниана. Тем не менее именно Аллемани привел ряд текстов ранневизантийских историков (Сократа, Созомена, Гидатия, а также и из сочинений Прокопия), которые подтверждают убедительность толкования термина *septimum* как расстояния, отстоящего на семь межевых камней (миль) от города.³² Таким образом, заключительная формула в конституциях 529 г. дает основание считать, что в самом начале своего царствования Юстиниан построил новый консисторий во дворце, находившемся в окрестностях Константинополя, на расстоянии семи миль от города.

²⁸ *Recitata septimo in novo consistorio palatii Justiniani* — С. J. 4, 1, 2; 5, 12, 30; 5, 30, 5; 6, 30, 19; 6, 42, 30; 8, 53 (54), 34; 11, 48, 20.

²⁹ *Recitata septimo miliario* — С. J. 6, 4, 3; 6, 61, 6; 4, 34, 11.

³⁰ Cuiacii Jacobi. *Opera omnia*, III. Parisii, 1658, p. 616.

³¹ *Codicis Justiniani repetitae praelectionis libri XII notis D. Gothofredi illustrati*. 1602, n. ad. С. J. 1, 2, 22.

³² *Corpus scriptorum historiae byzantinae*. Ed. Bonn, 1838, p. 430.

Вопрос о местонахождении дворца, известного впоследствии под греческим названием «Хебдомон», что соответствует латинскому «Септимум», вызвал в науке длительную дискуссию.³³ В этой связи отметим лишь, что вследствие недостаточного внимания к данным рассмотренных конституций Кодекса Юстиниана (хотя на некоторые из них иногда и делались ссылки) даже и в более новых трудах, не утративших своего научного значения и сейчас, нет достаточной ясности по вопросу о «новом» консistorии Юстиниана. В таком специальном труде, как известное исследование Ж. Эберзольта, говорится о том, что дворец, в котором собирался консistorий, известен в V в. «и, весьма вероятно, построен самим Константином. В VI в. в нем собирался императорский совет». При этом Эберзольт делает ссылки на конституции Юстиниана 529 г. (С. J. 1, 2, 22; 1, 14, 12; 2, 55, 4³⁴). Как правильно отметил Р. Гийан, консistorий, который был, по всей вероятности, сооружен Константином, «не следует отождествлять с новым консistorием, упоминаемым в Кодексе Юстиниана».³⁵ Добавим, что недаром этот консistorий и назывался «Новым».

Значение кощечной формулы в рассматриваемой группе конституций не исчерпывается, однако, данными о местоположении «Нового консistorия» в 529 г.³⁶ Остается все же неясным вопрос о том, почему в Кодексе Юстиниана с его огромным числом конституций лишь в группе конституций, изданных 30 октября 529 г., имеется приписка об их оглашении в Новом консistorии. Можно ли такой факт объяснить случайностью сохранившейся документации? Думается, что вряд ли, так как все эти пятнадцать конституций разбросаны по многим книгам Кодекса. Трудно полагать, чтобы все прочие указания на оглашение в консistorии были пропущены и только случайно эти оставлены. Скорее можно считать, что издание их было связано с какими-то особыми обстоятельствами. Торжественность процедуры, отразившаяся в финальной фразе, была, вероятно, связана с тем, что все эти законы относились к категории *leges generales*, которые по издавна существовавшей традиции докладывались в Сенате. По своему содержанию конституции данной группы подходят к этой

³³ Хороший обзор дискуссии по этому вопросу дал Д. Беляев в рецензии на книгу «Mordtmann. Esquisse topographique de Constantinople. Lille, 1892» (Византийский вестник, I, СПб., 1894, стр. 396 сл.).

³⁴ Неясность в этом вопросе есть и у некоторых других исследователей: J. Ebersolt. *Le grand palais de Constantinople et le livre de ceremonies*. Paris, 1910, p. 39—40; A. Vogt. *Constantin Porphyrogénète. Le livre de ceremonies. Commentaire. Livre I*. Paris, 1935, p. 45.

³⁵ R. Guillard. *Études de topographie de Constantinople byzantine*. I. Berlin—Amsterdam, 1969, p. 56 et 66.

³⁶ Указание на «седьмой мизариий» как на место издания конституций встречается еще единственный раз в 118-й повеле Юстиниана (543 г.). Однако, кроме даты опубликования повеления, никаких сведений об оглашении конституции там нет.

категории, некоторые из них в особенности. Например, закон об общеобязательности всех конституций, включенных в Кодекс, независимо от адресата (С. J. 1, 14, 12); или закон об обязательной письменной документации крупных даров, получивший широкое распространение в позднейшем законодательстве (С. J. 8, 53, 34); или закон о порядке взиманий с колопов палогов и повинностей при тяжбах о собственности на землю (С. J. 11, 48, 20). Не препятствует предположению об отнесении данной группы законов к числу *leges generales* и то, что они адресованы одному должностному лицу — префекту претория Демосфену, так как подобные случаи бывали и прежде.

Таким образом, формальный анализ заключительной части этих конституций представляет интерес не только для дипломатической характеристики ранневизантийских законодательных актов, но и в других отношениях. Только из этих конституций становится известным местонахождение «Нового консistorия» Юстиниана I. Только из них можно почерпнуть сведения о процедуре утверждения законов, во всяком случае одной их категории, — сведения, которые безвозвратно утрачены в массе других законодательных памятников VI в.

Вопрос о причинах сохранения этой своеобразной формулы в данной группе законов может быть решен лишь предположительно. При его исследовании, выходящем за рамки данной статьи, должны быть подвергнуты анализу конкретные исторические события того времени. Эти вопросы будут нами рассмотрены в другом месте.

А. М. КОНОНЕНКО

РОЛАНДИН ПАССАЖЕРИЙ И ЕГО ТРАКТАТ ОБ ИСКУССТВЕ НОТАРИЕВ

(к истории средневекового нотариата)

Огромно наследие средневековья в области частного акта. Этот обильный рукописный материал в значительном количестве до сих пор не изучен и не издан, поэтому все настоятельнее раздаются голоса историков, юристов, тем более дипломатистов и палеографов, призывающих усилить научное исследование и издание средневековых частных актов, как русских, так и западноевропейских.¹

¹ A. Boüard. Manuel de diplomatique française et pontificale, t. I. Diplomatique générale. Paris, 1929; J. Šebanek. Möglichkeiten der Weiterentwicklung der Diplomatie im Rahmen der historischen Mediävistik. XII-ème Congrès International des sciences historiques. Rapports IV. Wien, 1965,